

РАБОТА И СЛУЖБА

Сборник памяти Рашита Янгирова

Составитель Ян Левченко

Санкт-Петербург
Свое издательство
2011

Работа и служба: Сборник памяти Рашида Янгирова / Составитель
Я. Левченко. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2011. — 314 с.

ISBN 978-5-4386-0019-0

ISBN 978-5-4386-0019-0

© Авторы, текст, 2011

© Свое издательство, оформление, 2011

Содержание

О духе и букве этого сборника	7
Аркадий Бломбаум К источникам «Возмездия»: Александр Блок и Павел Милюков	13
Александр Данилевский Владимир Набоков-Сириин в «Возобновленной тоске» Бориса Дикого	42
Михаил Одесский Литература и газета: Очерки советской публичной культуры 1920-х гг.	59
Надежда Григорьева, Игорь Смирнов Фарсовая киномотивика в «Зойкиной квартире» Михаила Булгакова	72
Валерий Босенко Сенсация на рубеже веков	78
Оксана Булгакова Михаил Чехов в немецком кино, Или является ли харизма феноменом локальным?	85
Андрей Рогачевский Киноактриса Стелла Арбенина	105
Илья Калинин Остранение, ранение, рана: Русские формалисты, Лев Толстой и военно-полевая хирургия	113
Ян Левченко Двоичные и троичные модели в текстах (и) биографии Виктора Шкловского	144

Julian Graffy

- Borderline Obsessive: A Soviet Cinematic
Preoccupation of the 1930s 162
The defence of the Soviet border in Soviet films, 1931-1941 . . 188

Леонид Геллер

- Замечания о Сокурове и формализме 192

Ирина Белобровцева

- «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»:
Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо 205

Евгений Яблоков, Бен Доог

- В Токио, на полпути между Киевом и Беркли...
(Зарубежные родственники Михаила Булгакова) 232

Олег Коростелев

- Письма киноактеров
из собрания баронессы М. Д. Врангель 269

Татьяна Рогозовская

- После «Бала в Кремле» (Булгаков и Малапарте) 284

Альбин Конечный, Ксения Кумпан

- Библиография очерков и книг Сергея Горного 303

ВСТУПЛЕНИЕ

О духе и букве этого сборника

Дух

Мне посчастливилось познакомиться с Рашидом Янгировым в апреле 2001 года, когда он приехал в Европейский Университет в Санкт-Петербурге читать лекции по истории российского кино дооктябрьского периода. Декан-организатор факультета истории искусств Борис Кац позднее отмечал, что Рашит оказался единственным доступным киноведом России, которого не встревожила аспирантская программа под названием «Россия и Европа: взаимодействие художественных языков XVIII — первой четверти XX века». Доступным — не только в интеллектуальном, педагогическом, но и обычном физическом смысле. Пионеры русскоязычной киноведческой семиотики Юрий Цивьян и Михаил Ямпольский были к тому моменту прочно интегрированы в академическую систему США. Московских людей из круга «Киноведческих Записок» петербургские искусствоведы знали не очень хорошо. Местных киноведов тоже никто в университете лично не знал — а русская жизнь, как известно, строится на связях, а не на CV в общедоступной базе данных. Немалая сложность была в том, что речь о кино должна была идти в его отношении к другим искусствам, а главное — к повседневности. Трудная и, возможно, не очень благодарная затея. И хотя автор книги «У истоков массового искусства в России» Нея Зоркая была тогда еще жива, было ясно, что она не приедет в Петербург даже ради симпатичной концепции. А Рашит приехал без лишних разговоров и прочитал очень передовой культурологический курс на материале кино, который ни мне, ни большей части слушавшей его группы аспирантов не понравился. Единственное, что позволило оценить его впоследствии, — это привычка все подробно записывать, ныне трагически изжитая цифровым диктофоном.

Не понравилось, потому что было скучно. Не было дешевого задора, которого многие ждали от материала кино. Рашит рас-

сказывал очень информативно и без малейшего аффекта. Тихий голос, чей глуховатый тембр тут же запомнился, хотя его обладатель, казалось, хотел отступить в тень и дать пройти материалу. Педантичный описательный историк, аккуратный публикатор, во всем следующий документу, но внезапно поднимающий от него свои темные спокойные глаза, чтоб неизменившимся тоном сказать какую-нибудь остроту. На то, чтобы оценить ее, у нас тогда не хватало ни знаний, ни скорости реакции. Такой образ от недельного экскурса в историю раннего русского кино остался у меня и всей моей параллели — первого аспирантского набора факультета истории искусств. Рашит говорил, что для понимания кино, тем более, раннего, требуется не столько «насмотренность», сколько начитанность, поэтому историк литературы тут может прийти к стати. Еще он говорил, что такое кино — элемент городской культуры и должно изучаться именно в таком разрезе. Эта практика не существовала вне своего циркового или балаганного происхождения. Фильм был не цельной картиной в современном смысле слова, а равноправной частью дивертисмента. Юрий Олеша вспоминал, что в его детстве кино крутили на простыне в перерывах между сеансами французской борьбы, и это был пример, с которого Рашит начал свой рассказ на первом занятии. Как я позднее понял, его занимало социальное бытование кино. Он и не ссылаясь ни на Томаса Эльсесера из новейших западных, ни на Иеремию Иоффе из старейших русских ученых. Но сходная теоретическая посылка — кино как часть истории институций, общественных движений и групп — видна была без труда. Вернее, прослеживается сейчас. Думаю, что услышь Рашит это толкование, он бы вряд ли обрадовался. Больше всего его раздражали эффектные формулировки. Он как-то сказал, что вообще бы исключил из лексикона гуманитария выражение «теоретическая рефлексия». На время, чтобы люди немного пришли в себя...

Его социальная жизнь (о приватной речи здесь не идет) делилась на работу и службу. Эта оппозиция дала название настоящему сборнику. Работой была наука — архивные изыскания, которыми он занимался с полной самоотдачей, публикации и редкие, крайне выдержанные статьи. Службой было агентство Associated Press, где у него была позиция редактора телевизионных новостей. Он ездил иногда по службе, но чаще по работе — на конфе-

ренции, в архивы и библиотеки (Нью-Йорк, Прага). Что бы ни говорилось о службе как о чем-то вынужденном на фоне работы, хорошо, что ему их удавалось совмещать.

Честно говоря, я никогда не представлял себе Рашита в роли, например, только ученого и, тем более, загнанного халтурами преподавателя. Казалось, он жил мимо мейнстрима, состоящего у кого-то из светской суеты, у кого-то — из прозябания в нищих университетах. Рашит, возможно, не согласился бы с выбором термина, но его привлекала маргинальность — второй, третий слой культурной почвы, незначительные детали, второстепенные фигуры, из которых ткется история, а не пишется глава в учебнике, для чего-то кем-то рекомендованном. Он и сам воплощал эту маргинальность. При всей техничности и строгости своих навыков Рашит был бесконечно далек от неизменно популярного технократизма в организации научного труда. Его единственная прижизненная книга «Рабы немого» (2007) писалась почти 20 лет, и вовсе не потому, что автор забалтывал работу поденщиной. Статьи, составившие посмертную книгу «Другое кино» (2011), имеют еще больший хронологический разброс — главным образом, потому что не стареют, рассчитаны на долгое дыхание, полезное для гуманитарного знания. Думать о предмете, а не о себе — этой науке, страшно замедляющей карьерный процесс, стоит поучиться многим профессионалам. Пусть это и не приносит никаких материальных дивидендов, ввиду чего такая педагогическая задача представляется утопической.

Буква

Не все авторы сборника лично общались с Рашитом. Непосредственная причастность, история взаимоотношений, концепция «тесного круга» и другие формы коллективной интеллигентской телесности — не единственный критерий отбора. Ведь даже редактор настоящей книги знал ее главного героя совсем недолго и, конечно, не может называть себя его другом. В появлении под этой обложкой некоторых статей сыграли свою роль и тематические переклички, и методологические разногласия, и прямые ссылки на работы Рашита, и экспликация теоретических умолчаний, которые он допускал по вкусовым причинам и в силу недостатка времени.

И все же основной корпус сборника составили работы людей, близко знавших Рашита. Это исследователи из разных контекстов. Я хочу сделать одно, на первый взгляд, очень сомнительное предположение. Рашит занимался кино, именно и поэтому все эти люди были и есть в его жизни. Архивисты, историки литературы и быта, киноведы, культурологи (убийственное слово, но другого нет, хотя люди есть). Юрий Тынянов писал в 1923 году: «Каждый день распластывает нас на 10 деятельностей. Поэтому мы ходим в кино»¹. Именно кино как объект принципиально диффузный, синтезирующий разные формы репрезентации, растущий из низовой культуры, но апеллирующий к высокой, не позволяющий отделить искусство от техники, потребовал в свое время от гуманитариев пересмотра их традиционных компетенций. История новых медиа начинается именно в эпоху немого кино. Даже радио, вопреки хронологии появления, осмысливается в этом интеллектуальном фарватере — ведь семиотика звука оформилась, в первую очередь, как проблема звукового кинематографа на рубеже 1920-30-х годов. Ученый, занятый кино, настраивается на несколько каналов восприятия и обработки информации. Это профессиональная особенность. Отсюда — широта концептуальных и неотделимых от них человеческих интересов Рашита.

Открывают сборник статьи Аркадия Блюмбаума, Александра Данилевского и Михаила Одесского. И тексты, и авторы выступают в русле традиционной истории литературы. Далее следуют материалы, связанные с фильмами и персоналиями кинематографа — работы Валерия Босенко, Оксаны Булгаковой, Леонида Геллера, Джулиана Грэффи, Андрея Рогачевского, Игоря Смирнова в соавторстве с Надеждой Григорьевой. К ним также примыкают две работы, чьи авторы (Илья Калинин, Ян Левченко) связаны с Европейским Университетом в Санкт-Петербурге, с которым Рашит тесно сотрудничал в первой половине 2000-х годов. Они посвящены различным аспектам русского формализма — интерес Рашита к этому направлению хорошо прослеживается в его публикациях, посвященных, в частности, Виктору Шкловскому².

¹ Тынянов Ю. Н. Кино — слово — музыка [1923] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 322.

² См.: Библиографический список публикаций Р. М. Янгирова. / Сост. А. И. Рейтблат, при участии З. М. Левиной, Т. А. Симачевой, О. С. Шурыгиной // Новое Литературное Обозрение. № 97 (2009).

Статьи местами игровые, быть может, и не вполне академические. Мемориальный сборник — не значит ни строго научный, ни тем более торжественно-серьезный. Ведь, как писал упомянутый ницшеанец Шкловский: «Почтить память можно не только каждением благовонной травы, но и веселым делом разрушения»³.

Есть в сборнике и раздел публикаций, который в системе ценностей Рашита был бы не вторым, а основным, пусть он, как правило, и помещается после статей. Сюда вошли работы многолетних коллег Рашита по работе с архивами русской эмиграции — Ирины Белобровцевой и Олега Коростелева. Здесь же увидел свет обзор зарубежных ветвей семьи Михаила Булгакова, подготовленный Евгением Яблоковым и Беном Дооге, а также малоизвестная, если не детективная история взаимоотношений Булгакова с итальянским литератором Курцио Малапарте (Татьяна Rogozovskaya). Завершает сборник библиография печатных выступлений Сергея Горного, которую Альбин Конечный и Ксения Кумпан начинали составлять еще совместно с Рашитом.

В заключение хотелось бы поблагодарить всех, кто принял участие в сборнике, и в первую очередь — Зою Зевину, без чьей помощи вряд ли бы состоялось это издание.

Сборник издан на средства друзей Рашита Янгирова.

Ян Левченко

³ Шкловский В. Евгений Онегин. Пушкин и Стерн // Очерки поэтики Пушкина. Берлин: Изд-во З. Гржебина, 1923. С. 220.